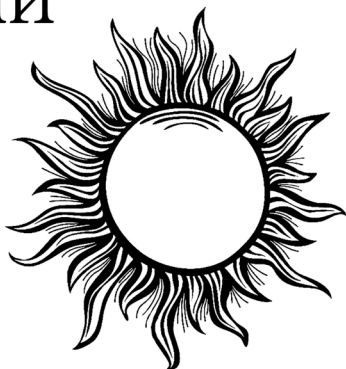

МИХАИЛ СОКОЛОВ

СЛАВЯНСКИЕ БОГИ
и БОГИНИ
СОЛНЦА

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

УДК 257
ББК 86.31
С59

Соколов, Михаил Евгеньевич.

С59 Славянские боги и богини Солнца / Михаил Соколов. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 256 с.

ISBN 978-5-9955-1101-4

Это исследование, написанное еще в конце XIX в., до сих пор остается лучшей книгой о культе славянских солнечных божеств, который намного древнее, чем культ грома и молнии. Автором подробно описаны зарождение и развитие солнечных верований у наших предков, их система солнечной мифологии, а также посвященные солнечным божествам праздники и обряды.

**УДК 257
ББК 86.31**

ISBN 978-5-9955-1101-4

© Соколов М.Е., 2023
© ООО «Яуза-пресс», 2023

Глава I

Древнерусский солнечный культ Историческое обозрение

У всех языческих народов: древних и новых, Старого и Нового Света, солнце, несомненно, было самым уважаемым и любимым божеством. С божеством солнца язычник соединял самые лучшие воспоминания своего отдаленного прошлого; к солнцу же он обращался с мольбою в своих нуждах. Справедливость требует признать тот факт, что иногда во главе языческого Олимпа становились боги и не солнечного происхождения, как, например, бог-громовник или какой-нибудь полукнижный Брама (Парабрама). Но бог-громовник по самому существу того небесного явления, которое он олицетворяет, имеет значение только местное, для некоторых только стран, и притом он всегда представляется для простодушного дикаря каким-то недоступным,

грозным и карающим существом. Книжные пантеистические божества, в роде Парабрамы, потому уже не могут приобрести симпатий простого народа, что они вообще мало известны в массах нефилософствующей толпы; такие божества, как придуманные жрецами, и известны только в их ограниченном кругу. Вот почему даже и там, где главным богом является не солнечное божество, солнце все-таки наиболее любимо и уважаемо. Не от бога-громовника, не от пантеистического существа, а от бога солнца производят свой род династии языческих царей. Мы разумеем, например, египетских фараонов (от бога солнца Ра, или Фра), индейских царьков и американских инков. Начало земледелия и, вообще, цивилизации приписывается также солнцу или его детям (американские предания дикарей, обитающих на возвышенностях Боготы, а также инков). Словом, у язычников не было божества более симпатичного и уважаемого людьми, каким именно было само солнце.

Русское язычество не представляет исключения из общего правила: солнечные боги были самыми общеизвестными и любимыми на Руси.

По-видимому, впрочем, главным богом у русских язычников был громовник Перун. Прокопий Кесарийский, писатель VI века, говорит о религии древних славян: «Они (славяне и анты) признают единого бога, творца молнии и грома (разумеется, Перуна), единым господом вселенной и приносят ему в жертву быков и иных священных животных». Трудно перетолковать это свидетельство, хотя, вообще, признано, что оно относится собственно только к юго-западным славянам. Тем не менее, судя по нашей летописи, Прокопиево свидетельство вполне приложимо к эпохе княжеской Руси от Олега вещего до Владимира язычника. Мы видим, как мужи Олега по настоянию византийских императоров Леона и Александра клянутся оружием своим и богами: Перуном и Волосом. Говоря о ревностном служении Владимира языческим богам, летописец замечает: «И нача княжити Володимир в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Херса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокош» (Лаврент. л. под 980 г.). При чтении этих слов летописи невольно бросается в глаза то самое обстоятельство, что летописец сравнительно очень много говорит о

Перуне, описывает мелкие подробности его идола, — между тем тот же самый летописец, когда дело идет о других богах, едва достаивает их той небольшой доли внимания, чтобы передать хотя бы их имена, на первый раз вообще довольно странные и, за исключением одного только Дажьбога, вообще непонятные для современного русского человека.

Вывод отсюда может быть только один: обычное мнение о главенстве Перуна на русском Олимпе не совсем несправедливо или, лучше сказать, совсем справедливо.

Но хотя в историческую эпоху русского язычества Перун был главным, первенствующим богом, тем не менее он вообще далеко не пользовался симпатиями славяно-русского народа. Он был слишком уж грозным, своими громовыми стрелами он равно разил как правого, так и виноватого; самый гром, который олицетворялся в Перуне, был символом, предвестием несчастья. Недаром и теперь еще в числе свадебных примет мы находим такую: «В день венчания ясная погода знаменует счастливую жизнь, дождь — богатство, гром — несчастье (Воронежский литерат. сборник. Вып. 1-й, 390 стр.). Кроме того, Перун потому уже не мог привлечь к себе внимание

русских язычников, что гром и молния, т. е. те небесные явления, в которых он проявлял свою силу и могущество, вообще мимолетны, быстро появляются и еще скорее исчезают. В этом отношении много выигрывало перед Перуном светлое-пресветлое солнышко. Всем нужное, всех радующее, оно, казалось, не боялось враждебных сил мрака и злобы; и думалось русскому язычнику: нет, не одолеть врагам (небесным змеям) наше солнышко. Эту веру народ выразил в загадке: «Что в ящик не запереть?» В отгадке разумеется солнце (Пермский сборник, кн. 1, отд. II, 129 стр.). Таким образом, Перун не пользовался или не владел теми выгодами положения, которые располагали русский народ в пользу солнца. Потому-то и народ вообще худо помнит Перуна; это обстоятельство как будто подтверждает мнение тех исследователей, которые считали Перуна не русским, а варяжско-норманнским богом, славянизированным Тором (М. П. Погодин, г. Шеппинг, Ян Эразм Воцель). Тем не менее догадка этих исследователей не имеет прочных оснований: во-первых, она требует признать полусказочный рассказ летописи о призвании варяжских князей за исторический факт, что слишком уж сомнительно, что

бы ни говорили рьяные норманисты; во-вторых же — и это самое главное, — народ хотя и худо помнит о Перуне, но все-таки не забыл его окончательно (белорусы и отчасти малороссы).

Чем меньшим значением и любовью пользовался громовержец Перун, тем более и ярче возвышался образ милостивого подателя всяких благ, пресветлого солнца. Солнце (Дажьбог) было силою, оживляющею всю природу, оно возбуждало или возжигало жизнь в растениях, животных и людях. Но солнце (Дажьбог) не было только покровителем и благодетелем русского народа; потому-то оно и благоволило к нему, потому-то оно и было глубоко уважаемо на Руси, что было соединено кровным родством со всем славяно-русским народом. Русский народ с незапамятных времен считался внуком Дажь-бога (солнца). «Тогда при Олзе Гориславличи», читаем мы в «Слове о полку Игореве», «сеяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажь-божа внука, в Княжих крамолах вещи человеком сократишась». Обращаем внимание на взаимную связь и ход мыслей певца знаменитого слова. Певец указывает на горькую, несчастную жизнь Дажь-божа внука и далее поясняет,

что несчастное положение Даждь-божа внука, или, что то же, сокращение веков человеческих (а не княжеских) зависит от княжеских междоусобий (удельного нестроения). Ясно, что под Даждь-божим внуком разумеется весь русский народ, а не род только русских князей, как думается некоторым исследователям. Мы разумеем И. Срезневского. «Под именем внука Дажьбога, — говорит г. Срезневский, — я понимаю Владимира, известного и в народных песнях и сказках под именем «Красного Солнышка» (Об обожании солнца у древн. слав. 16 стр.). Но, во-первых, выражение «Красное Солнышко» есть просто ласкательное прозвище любимого князя, и нужно быть слишком уже увлекающимся мифологом, чтобы, подобно г. Срезневскому, в других случаях очень трезвому исследователю, или в новейшее время Л. Военодскому (Запис. импер. новоросс. универс. 1880 г. Т. 30, 460 стр.), — видеть в этом прозвище отголосок народных мифологических преданий. Во-вторых — и это едва ли не самое главное, — Солнышком, Красным Солнышком прозывается не один только князь Владимир, но и вообще любимый человек. В народных песнях название солнышка поочередно носят хозяин или хозяйка в доме,

жених или невеста. Так, в одной свадебной костромской песне невеста называет отца обогревным, красным солнышком. «Только свет мой кормилец батюшка, мое красное солнышко, мое летнее, теплое, ты мое обогревное» (Москвитянин, 1855 г. апр. кн. 1, № 7, 113 стр.). Отсюда мы заключаем, что, если уже нужно видеть в прозвище князя Владимира указание на то, что он (Красное Солнышко — Владимир) считался потомком, внуком Дажь-бога, то же самое нужно думать и о каждом русском, который, как хозяин в доме, отец семейства или жених, также называется красным солнышком; то же нужно сказать и о каждой русской матери семейства или красной девице-невесте, и они происходят из рода Дажь-бога, потому что народная песня каждую из них величает красным солнышком. Таким образом, в конце концов, после неправильных догадок г. Срезневского и предполагаемых выводов, вытекающих из его положенья, мы опять приходим к обычному мнению, что под Дажь-божим внуком следует разумеать весь русский народ (Истор. русск. слов. И. Порфир., ч. 1, стр. 24).

Вследствие особенной симпатичности солнечных богов, а также их родства со славяно-русским народом солнечный культ сравни-

тельно вообще довольно ярко определился на Руси; по той же самой причине, как мы думаем вопреки г. Шеппину и Беляеву, до сих пор в простом народе сохранились почти все имена главных исторически известных солнечных богов (а не русалок только, домовых и леших); все современные полуязыческие обряды русского народа также вращаются около поклонения солнцу (Нижегор. епарх. вед. 1865 г., № 18, 24 стр.). Ввиду особенного значения русских солнечных богов и их близости к человеку мы переходим к историческому обзору солнечного культа; постараемся обрисовать образ и выяснить характер русских солнечных богов, обратим внимание на историческое развитие солнечного культа, его видоизменение и забвение характерных черт его.

Хърс, или Хръс. Хорс (осетинско-персидское хурр, хур — солнце) был богом солнца; в знак особенного уважения и почтения его называли великим Хорсом. О нем говорит «Слово о полку Игореве» в следующих эпических выражениях: «Всеслав Князь людем судяше, Князем грады рядяше, а сам в ночь вълком рыскаше; из Кыева дорискаше до Кур Тматороканя; великому хръсови вльком путь прерыскаше». Мы видим замечательную картину состязания

смертного в беге с самим солнцем. Волкодлак Всеслав, как славянин и русский, не боится богов, не признает какой-нибудь судьбы, грозной для человека, и смело выступает как бы в состязание с великим Хорсом; и действительно, вещему князю удастся предупредить Хорса: прежде, нежели успел подняться Хорс-солнце, чтобы принять вызов, Всеслав был уже в Тмутаракани (ср. Ж. М. Н. Пр., 1841 год, часть XXIX, IV, 34 стр. П. Прейс). Это состязание Всеслава с Хорсом-солнцем можно сопоставить с подобным же известным состязанием болгарского юнака. Похвалился юнак, что он имеет быстрого коня и с ним обгонит само солнце. Солнце оскорбляется и принимает вызов. При помощи быстрого коня и солнечной сестрицы юнак действительно обгоняет солнце и по условию в награду получает солнечную сестру (Временник, 1855 г. XXII книга, 5—10).

В XIV и XV веках, по-видимому, еще не забыли Хорса; по крайней мере, так можно заключать из слова некоего христолюбца и ревнителя по правой вере: «...и веруют в Перуна и в Хорса» (Летоп. русск. литерат. Н. Тихонравова, т. IV, отд. III, 89, 92, 94). Правда, можно предположить, что ревнитель по правой вере знает Хорса по книгам и, таким образом, вооружает-

ся против давно исчезнувшего идолопоклонства, что нередко случалось с древнерусскими книжниками; однако другое слово св. Григория не оставляет в нас ни малейшего сомнения. В этом слове категорически констатируется факт современного идолопоклонства по русским украинам: «но и ноне по украинам молятся ему проклятому богу Перуну и Хорсу...» (Ibidem, т. IV. 97 стр.). В конце XVI века или начале XVII существовало еще сбивчивое, туманное понятие о Хорсе, насколько можно заключать из апокрифической беседы трех святителей. В этой беседе на вопрос, от чего сотворен был гром, св. Василий отвечает: «Два ангела громная есть: елленский старец Перун и Хорс (вар. Нахор) жидовин — два еста ангела молнииина» (Щапов. Русск. раск. старообр., 454; Правосл. Собес. 1861, ч. 1, 252; Афан. Поэт. воззр., т. 1, 250). С первого же раза бросается в глаза незнание книжником русской языческой религии; не говорим о том, что неизвестный книжник превратил языческих богов в ангелов; можно, пожалуй, помириться с тем, что Перун является перед нами в виде ангела молнии, заведующего молнией (здесь еще не так видна деградация языческого сознания), — но зато каждому понятно, что нельзя назвать

молниеносным ангелом Хорса, потому что он был не громовником у русских язычников, а солнечным богом. Замечательно, что неизвестный книжник называет Хорса жидовином — так как в некоторых списках вместо Хорса упоминается Нахор, то можно предположить, что Хорс называется жидовином потому, что смешивается с библейским Нахором, который действительно в некотором роде жидовин. В доказательство естественности нашего предположения можем сослаться на Никоновскую летопись, где также вместо Люта, сына Свенельдова, неожиданно выступает библейский Лот (П. С. Р. Л., т. IX). Во всяком случае, свидетельство апокрифической беседы трех святителей о Хорсе очень темное и спутанное; а потому на основании его нельзя делать никаких выводов о происхождении культа Хорса. Между тем все-таки находятся исследователи, которые видят в этом свидетельстве подтверждение своих априорных предположений о чужеземном происхождении Хорса. Так, например, И. Забелин, задумываясь над тем, что Хорс называется жидовином, говорит нам следующее: «Это (жидовство Хорса) подает намек на самое место, где существовало поклонение Хорсу, именно у хозар,

перешедших потом в Моисеев закон и оттого известных больше под именем жидов хозарских» (Истор. русск. жизни, И. Забелина, ч. II, 291 стр.). Но если следовать подобному приему в науке, то, пожалуй, придется признать татарско-магометанское происхождение того же самого Хорса, или Перуна, потому что в сказании о Мамаевом побоище и тот и другой признаются татарскими богами. «Мамай же царь видево напрасно своих побиваемых и нача призывати боги своя: Перуна, Савана, Тамокоша, Раклия, Гурса (Хорса) и великого своего помощника Ахмета» (Сказ. русск. нар. И. Сахарова, т. 1, кн. IV, 80 стр.). В настоящее время темное предание о Хорсе, по-видимому, сохраняется в лице зловещего Карачуна, злого бога скотского падежа. И притом из всех русских племен более всего помнят и знают Карачуна карпато-русы (Русс. простонар. празд. И. Снегирева, вып. 1, 139 стр.; Зап. импер. рус. геогр. общ. по отд. этнограф. т. VII, 321).

Дажьбог, Дажбог (Лаврент., Ипатск., Архангелогород. сп.; Густинск. л.) = даже Бог (Радзивилковск. сп.) — Дажба (Воскресенск., Никоневск., Софийск. врем., Софийск. 1-я лет., Тверск., Русск. врем., Степен. кн.). — Дажб (Больш. Макарьевск. мин.) = Дажбу бог (Кенигсбергск. сп.,

И. Стриттер) = Дашуба или Дождь. (Подробн. летоп., Иннокент. Гизель) — Дажь-бог (Слово о полку Игор.) был богом солнца, народ называл его царем — Солнцем. Об этом мы знаем не из филологических умствований и произвольных сближений, а из слов Ипатьевской летописи: «И посем (Свароге) царствова сын его, именем Солнце, его же наричють Дажьбог... Солнце царь сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе бо муж силен...» (П. С. Р. Л., т. II, 5 стр.). Смысл слова «Дажьбог» различные исследователи объясняли различно. Ф. Эмин, по-видимому, производит Дажьбога от дождя. «Дождбог, — говорит он, — был у них (русских язычников) бог дождя, и в нужде... сему идолу поклонялись» (Росс. ист. Федора Эмина, т. I, 283—284). Нет ничего нового под луною: в сравнительно недавнее время мнение Фед. Эмина повторил Макушев, приравнивающий русского Дажьбога к итальянскому дождевому Юпитеру (*Iupiter pluvius*. О происхождении сл. Дажьбог). Конечно, такое мнение произвольно и не нуждается в опровержении. Но не менее произвольно поступали и другие исследователи. Мы имеем в виду А. Афанасьева и Н. И. Кареева. Г. Афанасьев в Дажьбоге усматривает слово, производное от корня дажь — свет, светлый. «Слово дажь

(Дажьбог) есть прилагательное от даг (готск. dags, немец. tag, санскр. ahan вместо dahan) — день, свет, родственного с санскр. корнем dah — жечь и литовск. глаголом degu — горю» (Поэт. воззр., т. I, 65). К мнению г. Афанасьева довольно близко подходит Н. Кареев. По его словам, «Дажьбога можно сблизить с ведическим наименованием зари — Dahana» (Филолог. зап., 1872, вып. V, 58 стр.). Мы не увлекаемся догадками гриммовских последователей и держимся более простого словопроизводства (некогда обычного в русской науке); по нашему мнению, слово Дажьбог, или Даждьбог — сложено из «дать, даждь (дай)» и «бог» и означает бога, подателя всяких благ. Прежде всего сошлемся на факты народного словоупотребления. «В некоторых губерниях Росс. доселе говорят: Дажба вместо: дал бы Бог» (Русск. простонар. празд. И. Снегир., вып. IV, 189). В Новгор. г., Череп. уезда, говорят также: «Полно тосковать, Дажь-Бог (даст бог), все минет», или «Покучись Дажь-Богу (Богу-подателю), управит понемногу» (Вестн. Европы, 1878 г., октябрь, т. V, 810 стр.). Конечно, нам могут возразить, что народное словоупотребление ровно ничего не доказывает, что оно позднейшего происхождения и явилось тогда,

когда народ забыл древнейшее мифическое значение Дажьбога. Предупреждая возражение, мы приведем косвенные доказательства той мысли, что слово «Дажьбог» никогда не имело другого значения, как только бога-подателя. Мы обращаем внимание на следующее обстоятельство: слово «Дажьбог» имеет связь с древнерусским именем Богдан (Богдай, как Рогдай); есть на Руси географические названия местностей, получивших свое имя от Дажьбога, как напр.: Дацьбоги (Дадзибоги) в Мазовше, Даждь-бог в Мосальск. уезде, — в параллель с приведенными местностями можно сопоставить Богдаево (Тверск. губ. Весь... г...у.) и Божедаевку (Херс. г., Алекс. у.). Для всякого очевидно, что слово «Дажьбог» предполагает другое «Богдан», равным образом «Дацьбоги» по смыслу то же, что Богдаево; здесь произошла перестановка составных частей, из которых слагается слово, как это нередко случается в простонародном говоре, например великорусск. «медведь» и малорусск. «ведмедь». А потому довольно странно попросту объяснять слова «Богдан» и «Богдаево» и в то же время видеть таинственно-мифический смысл в подобных же вышеприведенным выражениях «Дажьбог» и «Дацьбоги» (ср. Русск. простон.